
ГЛАВНЫЕ АФОРИЗМЫ ЭТОЙ КНИГИ

Государства, по существу своему друг другу противные и до конца непримиримые, не могли и не могут найти другой почвы для соединения, как только в дружном порабощении народных масс, составляющих общую основу и цель их существования.

Новейшее государство по своему существу и цели есть необходимо военное государство, а военное государство с той же необходимостью становится государством завоевательным; если же оно не завоевывает само, то оно будет завоевано по той простой причине, что где есть сила, там непременно должно быть и обнаружение или действие ее.

В настоящее время серьезное, сильное государство может иметь только одно прочное основание — военную и бюрократическую централизацию.

Всякий народ, точно так же как и всякое лицо, есть поневоле то, что он есть, и имеет несомненное право быть самим собой.

ГЛАВНЫЕ АФОРИЗМЫ ЭТОЙ КНИГИ

*Государство — это тюрьма;
какая же нужда укреплять свою тюрьму?*

---

*Без известной степени цивилизации,
без промышленности и торговли
никакое государство, и особенно новейшее,
существовать не может, потому что
так называемое богатство национальное —
далеко не народное,
а богатство привилегированных сословий —
есть сила.*

---

*Ученый уже по своему существу
склонен ко всякому умственному
и нравственному разврату, и главный порок его —
это превозвышение своего знания, своего
собственного ума и презрение
ко всем незнающим.*

---

*Политическая свобода без экономического равенства
и вообще политическая свобода,
то есть свобода в государстве, есть ложь.*

Об этой книге

Михаил Александрович Бакунин (1814—1876) — самый влиятельный русский философ за пределами России. Поколения анархистов по всему миру читали его книги и вдохновлялись его приключениями. Бакунин участвовал в нескольких восстаниях, дважды был приговорен к смертной казни, дерзко бежал из сибирской ссылки, совершив почти полное кругосветное путешествие.

«Этот человек был создан для революции, она была его естественной стихией, и я убежден, что, если бы ему удалось перестроить какое-нибудь государство на свой лад, ввести туда форму правления своего образа, он на следующий же день, если не раньше, восстал бы против собственного детища и стал бы во главе политических своих противников и вступил в бой, дабы себя же свергнуть», — написал о Бакунине барон Н. Е. Врангель, и это, пожалуй, лучшая характеристика.

«Государственность и анархия» — самая значительная работа Бакунина. Она была написана в 1873 году и во многом подводила итоги размышлений философа. Это один из немногих текстов Бакунина, написанных по-русски (хоть и в Цюрихе), специально для соотечественников, которые, к сожалению, к нему не прислушались.

Бакунин не уставал повторять, что всякое государство, пусть даже построенное на лучших теоретических принципах, есть только инструмент подавления и насилия. Но почему философ больше всего боялся власти ученых и философов, столь популярного с Платона и поныне политического идеала?

Пусть читатель сам ответит на этот вопрос. Как пошутил современный остролов: «Не всякий лайкнет анархиста, но каждый должен прочитать». Тем более что в мире цитируют Бакунина намного чаще, чем общепризнанных гениев русской культуры Льва Толстого и Федора Достоевского вместе взятых.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И АНАРХИЯ

Интернациональное общество рабочих¹, едва зародившееся девять лет тому назад, уже успело достигнуть такого влияния на практическое развитие вопросов экономических, социальных и политических в целой Европе, что ни один публицист и ни один государственный человек не могут отныне отказать ему в самом серьезном и нередко тревожном внимании.

Официальный, официозный и вообще буржуазный мир, мир счастливых эксплуататоров чернорабочего труда, смотрит на него с тем внутренним трепетом, который ощущается при приближении еще неведомой и малоопределенной, но уже сильно грозящей опасности, как на чудовище, которое непременно поглотит весь общественный, государственно-экономический строй, если только рядом энергичных мер, приведенных в исполнение одновременно во всех странах Европы, не будет положен конец его быстрым успехам.

Известно, что по окончании последней войны², сломившей историческое преобладание государственной Франции в Европе и заместившей его еще более ненавистным и гибельным преобладанием государственного пангерманизма,

---

¹ Т. е. Международное товарищество рабочих, или Первый интернационал, — первая международная организация рабочего класса, которая была учреждена в сентябре 1864 г. в Лондоне. (Здесь и далее, если не указано иное, — примечания редакции.)

² Имеется в виду Франко-прусская война 1870—1871 гг.

мероприятия против Интернационала сделались любимой темой межправительственных переговоров. Явление чрезвычайно естественное.

•

*Государства, по существу своему
друг другу противные и до конца
непримиримые, не могли и не могут
найти другой почвы для соединения,
как только в дружном порабощении
народных масс, составляющих общую
основу и цель их существования.*

•

Князь Бисмарк, разумеется, был и останется главным возбудителем и двигателем этого нового Священного союза. Но не он первый выступил со своими предложениями на сцену. Он предоставил сомнительную честь подобной инициативы униженному правительству только что разгромленного им французского государства.

Министр иностранных дел псевдонародного правления, неизменный изменник республики, но зато верный друг и защитник ордена иезуитов, верующий в Бога, но презирающий человечество и презираемый, в свою очередь, всеми честными поборниками народного дела, пресловутый ритор Жюль Фавр¹, уступающий разве только одному г-ну Гамбетта² честь быть прототипом всех адвокатов, с радостью принял на себя роль злостного клеветника и доносчика. Между членами так называемого правительства «Национальной защиты» он, без

---

¹ Жюль Фавр (1809—1880) — французский политический деятель, министр иностранных дел Франции в 1870—1871 гг.

² Леон Мишель Гамбетта (1838—1882) — французский политический деятель, премьер-министр Франции в 1881—1882 гг.

сомнения, был одним из тех, кто наиболее способствовал разоружению народной обороны и явно изменнической сдаче Парижа в руки надменного, дерзкого и беспощадного победителя. Князь Бисмарк одурачил его и надругался над ним на виду у целого мира.

И вот, как бы возгордившись двойным позором — и своим собственным, и позором преданной, а может быть, и проданной им Франции, — побуждаемый в одно и то же время желанием угодить осрамившему его великому канцлеру победоносной Германской империи, а также и глубокой ненавистью своей к пролетариату вообще, а в особенности к парижскому рабочему миру, г-н Жюль Фавр выступил с формальным доносом против Интернационала, члены которого, стоя во Франции во главе рабочих масс, пытались возбудить восстание всенародное и против немецких завоевателей, и против домашних эксплуататоров, правителей и предателей. Преступление ужасное, за которое Франция официальная или буржуазная должна была наказать с примерной строгостью Францию народную!

Таким образом, случилось, что первым словом, произнесенным французским государством на другой день страшного и постыдного поражения, было слово гнуснейшей реакции.

Кто не читал достопамятного циркуляра Жюля Фавра¹, в котором грубая ложь и еще грубейшее невежество уступают лишь бессильной и яростной злости республиканца-ренегата? Это отчаянный вопль не одного человека, а целой буржуазной цивилизации, истощившей все на свете и осужденной на смерть своим окончательным изнеможением. Чувствуя приближение неминуемого конца, она со злобным отчаянием

---

¹ Автор имеет в виду циркуляр от 6 июня 1871 г., в котором Жюль Фавр, в частности, квалифицировал Первый интернационал как «общество войны и ненависти, общество атеистическое и коммунистическое».

хватается за все, лишь бы продлить свое зловерное существование, призывая на помощь всех идолов прошедшего, низвергнутых некогда ею же самой,— и Бога, и церковь, и папу, и патриархальное право, а пуще всего, как вернейшее средство спасения, полицейское покровительство и военную диктатуру, хотя бы далее прусскую, лишь бы она охраняла «честных людей» от ужасной грозы Социальной Революции.

В Италии гонение против Интернационала было поднято с трех разных сторон. Во-первых, проклял его, как и следовало ожидать, сам папа. Сделал он это самым оригинальным образом, смешав в одном общем проклятии всех членов Интернационала с франкмасонами, якобинцами, рационалистами, деистами и либеральными католиками¹. По определению святого отца, принадлежит к этому отверженному обществу всякий, кто не покоряется слепо его боговдохновенным словоизвержениям. Точно так 26 лет назад один прусский генерал определял коммунизм: «Знаете ли вы,— говорил он своим солдатам,— что значит быть коммунистом? Это значит мыслить и действовать наперекор высочайшей мысли и воле его величества короля».

Но не один римско-католический папа проклял Интернациональное общество рабочих. Знаменитый революционер Джузеппе Мадзини², известный гораздо более в России как итальянский патриот, заговорщик и агитатор, чем как метафизик-деист и основатель новой церкви в Италии, да, сам Мадзини в 1871 году, на другой день после поражения Парижской коммуны, в то самое время как зверские исполни-

---

¹ В 1864 г. римский папа Пий IX издал «*Syllabus*» (лат.— «список, перечень»), который, среди прочего, осуждал пантеизм, натурализм, рационализм, социализм и коммунизм.

² *Джузеппе Мадзини* (1805—1872) — итальянский политик, писатель и философ, один из наиболее заметных деятелей Рисорджименто (национально-освободительного движения итальянского народа против иноземного господства).

тели зверских версальских декретов расстреливали тысячами обезоруженных коммунаров, нашел полезным и нужным присоединить к римско-католической анафеме и к полицейско-государственному гонению также и свое, якобы патриотическое и революционное, в сущности же совершенно буржуазное и вместе с тем богословское проклятие. Он надеялся, что его слова будет достаточно, чтобы убить в Италии все симпатии к Парижской коммуне и задушить в зародыше только что возникавшие интернациональные секции. Вышло совсем напротив: ничто так не способствовало усилению этих симпатий и умножению интернациональных секций, как его громкое и торжественное проклятие.

Итальянское правительство, враждебное папе, но еще более враждебное Мадзини, в свою очередь, не дремало. Сначала оно не поняло опасности, грозящей ему со стороны Интернационала, быстро распространяющегося не только в городах, но даже в селах Италии. Оно думало, что новое общество будет лишь служить противодействием успехам буржуазно-республиканской пропаганды Мадзини, и в этом отношении оно не ошиблось. Но оно скоро убедилось, что пропаганда принципов Социальной Революции в среде страстного населения, доведенного им же самим до крайней степени нищеты и угнетения, для него опаснее всех политических агитаций и предприятий Мадзини. Смерть великого итальянского патриота, воследовавшая скоро после его гневного выступления против Парижской коммуны и против Интернационала, вполне успокоила с этой стороны итальянское правительство.

Другое дело, пропаганда и организация Интернационала в Италии. Они обращаются прямо и исключительно к чернорабочей среде, *которая в Италии, равно как и во всех других странах Европы, сосредоточивает в себе всю жизнь, силу и будущее современного общества.* Из буржуазного мира примыкают к ней только те немногие

люди, которые от души возненавидели настоящий порядок, порядок политический, экономический и социальный, повернулись спиной к классу, их породившему, и всецело отделились народному делу.

Таких людей немного, но зато они драгоценны, разумеется только тогда, когда, возненавидев общеполитическое стремление к господству, задушили в себе последние остатки личного честолюбия; в таком случае, повторю я, они действительно драгоценны. Народ дает им жизнь, элементарную силу и почву, но взамен они приносят ему положительные знания, привычку отвлечения и разобщения и умение организоваться и создавать союзы, которые, в свою очередь, создают ту сознательную боевую силу, без которой немислима победа.

В Италии, как в России, нашлось довольно значительное количество таких молодых людей, несравненно более, чем в какой-либо другой стране. Но, что несравненно важнее, в Италии существует огромный, от природы чрезвычайно умный, но большей частью безграмотный и поголовно нищенский пролетариат, состоящий из двух-трех миллионов городских и фабричных рабочих и мелких ремесленников, и около 20 миллионов крестьян-несобственников. Вся эта бесчисленная масса людей доведена притеснительным и воровским управлением высших классов под либеральным скипетром короля-освободителя и собирателя итальянских земель до такого отчаянного положения, что сами поборники и заинтересованные участники настоящего управления начинают признаваться и говорить громко как в парламенте, так и в официальных журналах, что далее идти по этому пути невозможно и что необходимо сделать что-нибудь для народа во избежание всеразрушающего народного погрома.

Да, может быть, нигде так не близка Социальная Революция, как в Италии, нигде, не исключая даже самой Испании,

несмотря на то что в Испании уже существует официальная революция¹, а в Италии, по-видимому, все тихо. В Италии весь народ ожидает социального переворота и всякий день сознательно стремится к нему. Можно себе представить, как широко, как искренне и как страстно была принята и принимается поныне итальянским пролетариатом программа Интернационала.

В Италии не существует, как во многих других странах Европы, особого рабочего слоя, уже отчасти привилегированного благодаря значительному заработку, хвастающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением. Особенно в Германии и в Швейцарии таких работников много; в Италии же, напротив, очень мало, так мало, что они теряются в массе без малейшего следа и влияния.

В Италии преобладает тот нищенский пролетариат, о котором г-да Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов Германии отзываются с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что в нем, и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы, заключается и весь ум, и вся сила будущей социальной революции.

Именно вследствие этого решительного преобладания нищенского пролетариата в Италии пропаганда и организация Интернационального общества рабочих в этой стране приняли характер самый страстный и истинно народный,

---

¹ 11 февраля 1873 г. испанский король Амадей I в результате нарастающего кризиса отрекся от престола. Однако возникшая после этого Испанская республика просуществовала до конца 1874 г., после чего произошла реставрация династии Бурбонов в лице короля Альфонсо XII.

и именно вследствие этого, не ограничиваясь городами, они немедленно охватили сельское население.

Германия в настоящем своем виде, объединенная гениальным и патриотическим мошенничеством (в политике, равно как и в высших финансовых сферах, мошенничество считается доблестью) князя Бисмарка и опирающаяся, с одной стороны, на примерную организацию и дисциплину своего войска, готового задушить и зарезать все на свете и совершить всевозможные внутренние и внешние преступления по одному мановению своего короля-императора, а с другой — на верноподданнический патриотизм, на национальное безграничное честолюбие и на то древнее историческое, столь же безграничное послушание и богопочитание власти, которыми отличаются поныне немецкое дворянство, немецкое мещанство, немецкая бюрократия, немецкая церковь, весь цех немецких ученых и под их соединенным влиянием нередко (увы!) и сам немецкий народ,— Германия, говорю я, гордая деспотически-конституционным могуществом своего единодержавца и властителя, представляет и совмещает в себе всецело один из двух полюсов современного социально-политического движения, а именно полюс государственности, государства, реакции.

Германия — государство по преимуществу, как им была Франция при Людовике XIV и при Наполеоне I, как им не переставала быть Пруссия по настоящее время. Со времени окончательного создания прусского государства Фридрихом II был поднят вопрос: кто кого поглотит — Германия ли Пруссию или Пруссия Германию? Оказывается, что Пруссия съела Германию. Значит, доколе Германия останется государством, несмотря ни на какие мнимо либеральные, конституционные, демократические и даже социально-демократические формы, она будет по необходимости первостепенной и главной представительницей и постоянным источником всех возможных деспотизмов в Европе.

Да, со времени образования новой государственности в истории, с самой середины XVI века, Германия, причисляя к ней Австрийскую империю, поскольку она немецкая, никогда не переставала быть, в сущности, главным центром всех реакционных движений в Европе, даже не исключая того времени, когда великий коронованный вольнодумец Фридрих II переписывался с Вольтером.

Как умный государственный человек, ученик Макиавелли и учитель Бисмарка, он надругался над всем: над Богом и над людьми, не исключая, разумеется, своих корреспондентов-философов, и верил только в свой «государственный разум», опиравшийся притом, как всегда, на «божественную силу многочисленных батальонов» («Бог всегда на стороне сильных батальонов», — говорил он) да еще на экономию и возможное совершенство внутреннего административного управления, разумеется механического и деспотического.

В этом, по его да также и по нашему мнению, заключается вся суть государства. Все же остальное лишь невинная фиоритура¹, имеющая целью обмануть нежные чувства людей, неспособных вынести сознания суровой истины.

Германия, сказали мы, со времени реформы не переставала быть главным источником всех реакционных движений в Европе; от середины XVI века до 1815 года инициатива этого движения принадлежала Австрии. От 1815 до 1866 года она разделилась между Австрией и Пруссией, однако с преобладанием первой, покуда ею управлял старый князь Меттерних², т. е. до 1848 года. С 1815 года приступил к этому святому союзу чисто

¹ *Фиоритура* — украшение мелодии трелями, один из способов аранжировки.

² *Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург цу Бейльштейн* (1773—1859) — австрийский государственный деятель и дипломат, государственный канцлер Австрийской империи в 1821—1848 гг.

германской реакции гораздо более в виде охотника, чем дельца, наш татаро-немецкий, всероссийско-императорский кнут.

Побуждаемые естественным желанием снять с себя тяжкую ответственность за все мерзости, учиненные Священным союзом, немцы стараются уверить себя и других, что главным их зачинщиком была Россия. Мы не станем защищать императорскую Россию, потому что именно вследствие нашей глубокой любви к русскому народу, именно потому, что мы страстно желаем ему полнейшего преуспевания и свободы,

мы ненавидим эту поганую всероссийскую империю так, как ни один немец ее ненавидеть не может.

В противность немецким социальным демократам, программа которых ставит первой целью основание пангерманского государства, *русские социальные революционеры стремятся прежде всего к совершенному разрушению нашего государства, убежденные в том, что, пока государственность, в каком бы то виде ни было, будет тяготеть над нашим народом, народ этот будет нищим рабом.* Итак, не из желания защищать политику петербургского кабинета, а ради истины, которая всегда и везде полезна, мы ответим немцам следующее.

В самом деле, императорская Россия, в лице двух венценосцев — Александра I и Николая, казалось, весьма деятельно вмешивалась во внутренние дела Европы: Александр рыскал с конца в конец и много хлопотал и шумел; Николай хмурился и грозил. Но тем все и закончилось. Они ничего не сделали, не потому, что не хотели, а потому, что не могли, оттого что им не позволили их же друзья, австрийские и прусские немцы; им предоставлена была лишь почетная роль пугал, действовали же только Австрия, Пруссия и, наконец, под руководством и с позволения той и другой — французские Бурбоны (против Испании).

Империя Всероссийская только один раз выступила из своих границ, в 1849 году, и то только для спасения Австрийской империи, обуреваемой венгерским бунтом. В продолжение нынешнего века Россия два раза душила польскую революцию и оба раза с помощью Пруссии, настолько же заинтересованной в сохранении польского рабства, как и она сама. Я говорю, разумеется, об императорской России. Россия народная немыслима без польской независимости и свободы.

Что русская империя, по существу своему, не может хотеть другого влияния на Европу, кроме самого зловредного и противосвободного, что всякий новый факт государственной жестокости и торжествующего притеснения, всякое новое потопление народного бунта в народной крови, в какой бы то стране ни было, всегда встретят в ней самые горячие симпатии, кто может в этом сомневаться? Но не в этом дело. *Вопрос в том, как велико ее действительное влияние и занимает ли она по своему уму, могуществу и богатству такое преобладающее положение в Европе, чтобы голос ее был в состоянии решать вопросы?*

* * *

Да, Берлин стал теперь видимой главой и столицей всей живой и действительной реакции в Европе, князь Бисмарк — ее главным руководителем и первым министром. Я говорю, реакции живой и действительной, а не отжившей. Отжившая или из ума выжившая реакция, по преимуществу римско-католическая, бродит еще, как зловещая, но уже бессильная тень, в Риме, Версале, отчасти в Вене и Брюсселе; другая, кнуто-петербургская, положим, хоть и не тень, но тем не менее, лишённая смысла и будущности, продолжает еще бесчинствовать в пределах Всероссийской империи.

Но живая, умная, действительно сильная реакция сосредоточена отныне в Берлине и распространяется на все страны Европы из новой Германской империи, управляемой